

С точки зрения неклассической методологии социального познания популизм способствует продуктивной социальной коммуникации, где социально-политическая реальность предстает как результат всеобщего процесса создания смыслов, и рассматривается главным образом как мир значений, переживаемых и интерпретируемыми людьми в их повседневной жизни.

Литература

1. *Иванов Д. В.* Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., 2002.
2. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

Рукопись поступила в редакцию 10 марта 2008 г.

С. В. Куньщиков

НУЖНА ЛИ РЕАБИЛИТАЦИЯ КОНСПИРОЛОГИИ?

Статья посвящена необходимости «реабилитации» маргинального с точки зрения современной политической теории концепта конспирологии. Вне зависимости от своего объяснительного потенциала конспирология выполняет в общественном сознании очень важную функцию социальной рефлексии и политической критики. Это представляется важным в контексте противостояния «конспиративистскому соблазну» мировой политической элиты в эпоху глобализации.

Конспирология — «неудобный», но неизбежный попутчик реальной политики, как, впрочем, и современной политической теории. Однако политическая наука просто игнорирует, а то и отрещивается от «неудобного» и задающего много лишних вопросов «родственника». Причины такой нелюбви лежат на поверхности: современная политическая теория — продукт позитивистского и детерминистского мировоззрения XIX века — просто не в состоянии сделать предметом своего исследования нечто по видимости случайное, являющееся производным чьей-то частной или групповой воли. Политическая теория исследует внешнюю, видимую составляющую политики, приписывая ей безусловное свойство публичности. Впрочем, даже не осознавая эвристическую ограниченность такого подхода, политическая теория пытается заполнить каузальные несоответствия между описываемыми ею явлениями ссылками на феномены, которые лежат не в сфере ее компетенции и до некоторой степени реабилитирует саму возможность существования скрытой от всеобщего обозрения оборотной стороны политики. Такие понятия, как «тайная дипломатия», «лоббирование», «манипулирование», уже достаточно давно и прочно укоренились в современном политическом словаре.

Анализ исследований, посвященных конспирологии и специфике конспиративистского менталитета, вызывает ощущение существования заговора против самой конспирологии. Речь идет не о критике отдельных элементов и положений конспиративистских теорий, значительная часть которых действительно ее заслуживает, а о принципиальном нежелании признавать даже вероятность существования объяснительного потенциала конспирологии. Современная политическая теория концептуально и методологически отрицает само право на существование конспирологии даже в качестве маргинальной политической теории, превращая ее в удел политических фантазеров, а то и вовсе психически ненормальных людей.

Об этой тенденции достаточно ярко свидетельствует частое употребление таких слов-ярлыков, как «паранойя» и «параноидальный стиль», в названиях и текстах работ, посвященных исследованию феномена конспиративизма и конспиративистского менталитета. Возникает законный вопрос: почему, казалось бы, сугубо научные работы просто перегружены всевозможными идеологическими тропами и манипулятивными метафорами? Если теории конспирологов настолько абсурдны, то почему весьма именитые исследователи с завидным упорством уже на протяжении долгого времени выпускают ежегодно сотни статей и десятки монографий, разоблачая очевидную несостоятельность конспиративистских построений? Наконец, почему методологический инструментарий подобных исследований чрезвычайно скуден, а их аргументация представляется весьма сомнительной?

По всей видимости, в определенной среде (в том числе и научной) сложился устойчивый антиконспирологический стереотип, критически не осмысленный, что свидетельствует о манипулятивной природе его происхождения. Любая попытка конспиративистского объяснения тех или иных событий наталкивается на стойкое неприятие и отторжение вне зависимости от степени ее обоснованности. Антиконспирология, возникшая как критическая рефлексия, направленная на развенчание исторических и политических мифов, постепенно сама трансформируется в новую мифологию.

Об этом, в частности, свидетельствует нередко крайне тенденциозный характер определений понятий заговора, конспиративизма, теории заговора и конспирологии, которые даются в современной литературе. Спектр этих определений весьма широк и простирается от откровенно издевательских до умеренно нейтральных коннотаций. Впрочем, будучи освобожденными от излишней эмоциональной и идеологической нагруженности, данные определения выглядят вполне приемлемыми для дальнейшего анализа.

Обобщая значительное число таких определений, можно указать на следующие характеристики, которые выделяют большинство исследователей.

Заговор характеризуется:

- 1) наличием узкой, тайной централизованной организации;
- 2) способностью этой организации оказывать воздействие на политические и иные общественные, материальные и духовные процессы;

3) наличием целей разного уровня, рассчитанных на разную временную, в том числе и долговременную, перспективу.

Теория заговора определяется как попытка объяснить отдельное событие или ряд событий как результат преднамеренных действий участников заговора. Теория заговора фактически предстает в этих работах как синонимом конспирологии. Наконец, под конспиративизмом понимаются определенный тип и специфика мышления, рассматривающего все существенные события с точки зрения теории заговора.

Если посмотреть на каждую отдельную характеристику заговора, выяснится, что ничего невозможного, а тем более параноидального в нем нет.

Действительно, существование тайных организаций, групп и иных подобных структур вряд ли вообще можно отрицать. При этом разоблачение или саморазоблачение таких тайных структур вовсе не свидетельствует о стремлении их участников быть разоблаченными, тем самым лишив их атрибутов тайны. Существование разоблаченных организаций также не свидетельствует о том, что они перестали быть тайными, и из этого тем более не следует, что не существует неразоблаченных тайных структур.

Вряд ли у кого-то вызывает сомнение и тот факт, что во всех странах существует то, что принято называть лоббистской деятельностью. Причем в ряде государств она имеет даже вполне определенные институциональные и процессуальные рамки. Лоббистская деятельность связана с реализацией определенных, как правило узких, интересов, причем в целом она может быть охарактеризована как нарушающая принцип публичности политики. Поэтому сам феномен лоббизма достаточно четко соответствует сути теории заговора.

То, что определенные группы через лоббистские институты или самостоятельно способны прямо или косвенно оказывать влияние на политический истеблишмент в контексте принятия необходимых им решений, не вызывает сомнения даже у законченных политических идеалистов. Все это касается деятельности, о которой мы знаем, почему же предположение о том, что существует иной уровень этой деятельности, о котором мы просто не имеем представления, вызывает обвинения в паранойе? Скорее всего, все дело в некотором устойчивом стереотипе, согласно которому политика все-таки имеет определенные границы пристойности, переходить которые никто не в праве. Это одно из величайших заблуждений современного политического сознания и политической теории, которое навязано ложными императивами взаимоотношения морали и политики. С точки зрения политического реализма ничто не является препятствием для выбора любых средств, адекватных политическим целям. Политические события последних лет — наглядное тому подтверждение.

Таким образом, в реальной политической практике мы постоянно сталкиваемся с процессами и явлениями, которые в полной мере соответствуют характеристикам заговора. Однако в нашем представлении они выступают пусть как маргинальные, но все-таки политические нормы. Как только речь заходит о предположении, что и иные политические процессы и феномены есть резуль-

тат неочевидного, неявного воздействия со стороны неких тайных сил, сразу же звучат обвинения в конспиративизме.

Строго говоря, ничего невероятного и антинаучного в теории заговора нет. Любое объяснение явлений социального мира является не более чем гипотезой, предположением, теорией. Поэтому, скажем, теория Маркса, объясняющая основные исторические события через призму классового подхода, по своему объяснительному потенциалу мало чем отличается от теории заговора, объясняющей те же события исходя из иных оснований. Марксизм в этом смысле выступает в отношении теории Маркса тем же самым, чем является конспиративизм для теории заговора. Мало того, сама марксистская теория происхождения государства является конспиративистской по своей сути.

Трезвомыслящие антиконспирологи конечно не исключают не только возможности, но и реальности существования заговоров в истории. Однако при этом они указывают на тот факт, что заговоры могут являться средством решения каких-то достаточно локальных целей и задач, и не допускают даже мысли о том, что может существовать заговор, рассчитанный на значительную временную или пространственную перспективу. Такие рассуждения, впрочем, достаточно обоснованны. Действительно, можно планировать свержение абсолютистского режима, скажем во Франции (применительно к ситуации конца XVIII в., разумеется), но нельзя планировать французскую революцию, имея в виду ее долговременные политические и социально-экономические последствия.

Еще одним возражением против большой теории заговора является ссылка на существование принципиально разных и несводимых друг к другу интересов, которые вполне могут принимать формы заговоров друг против друга. Это делает невозможным реализацию стратегии глобального заговора.

Все это, безусловно, верно, но верно лишь отчасти. В условиях политического и идеологического противостояния, противостояния конкурентного, где четко обозначены его субъекты (государства, идеологии и т. п.), возможность существования глобального долговременного заговора представляется более чем сомнительной. Однако в условиях снятия этих противоречий, глобализации и явного доминирования вполне определенных сил, в мире, где политическая конкуренция является лишь видимостью, возможность планирования и осуществления глобального долговременного заговора с просчетом всех или почти всех последствий более не является невероятной.

Глобализация, при всех ее очевидных плюсах, имеет один фундаментальный недостаток, который перечеркивает все ее достоинства. Этот недостаток — монополизм. Реальные рычаги управления не только экономикой, но и политикой, СМИ, а также целым рядом социально-политических процессов находятся в руках весьма ограниченной группы людей. Именно в ней и может возникнуть (или уже возник?) величайший соблазн не только укрепить свое привилегированное положение, но и не допустить вообще никакой альтернативы собственному доминированию, тем самым завершив политическую исто-

рию человечества в духе Ф. Фукуямы. Что принципиально может помешать потенциальным лидерам «нового мирового порядка» договориться? Если внешняя сторона политики (которую К. Шмитт называл «малой политикой») и находится под контролем, пусть даже формальным, со стороны народа, то ее обратная сторона, «большая политика», давно делается не в правительствах, не на официальных переговорах и не за трибуной ООН, а в тихих отелях швейцарских Альп, на встречах экономической и политической элиты «нового мира», вход на которые простым смертным заказан. Кто контролирует эту сторону политики? Впрочем, вопрос чисто риторический.

На сегодняшний день уже есть серьезные аргументы в пользу того, что мировая политическая элита активно конструирует образ «врага» в лице глобального заговора мирового терроризма. Политическая риторика многих лидеров буквально пронизана конспиративистскими мотивами, хотя, с точки зрения любого трезвомыслящего человека, обладающего элементарным чувством здравого смысла, никакого *мирового* терроризма просто не существует. Современная элита посредством СМИ и откровенного манипулирования уже создала десятки подобных социальных и политических мифов, явно или завуалированно использующих конспиративистские элементы. Почему же существование глобального заговора мирового терроризма официально даже не ставится под сомнение, тогда как только возможность существования заговора мировой элиты безотносительно к чему-либо вызывает в лучшем случае насмешки?

Даже если конспирология является не более чем мифологией, новой исторической интерпретацией, она необходима современному обществу и в качестве инструмента критического осмысления политической реальности, и в качестве своеобразного оружия, способного демифологизировать образ реальности, создаваемый глобальной элитой.

Политический опыт XX столетия с убедительностью продемонстрировал, что с мифологией бесполезно бороться силами науки, одному социальному мифу необходимо противопоставить другой миф. Собственно политической реальности уже не существует, она погребена под грудой исторических и политических интерпретаций. В этих условиях борьба за альтернативу — это борьба за новый объяснительный миф, которым вполне может стать конспирология.

Политически глобализация подталкивает человечество к ситуации, в которой у него может не оказаться выбора. А мир, лишенный надежды и альтернативы, представляется местом серым и унылым.

Конспирологию, таким образом, необходимо воспринимать не как теорию того, что уже присутствует в политической реальности, а как предупреждение о том, что может случиться. Поэтому вне зависимости от того, имеет ли конспирология какую-то реальную научную основу (вряд ли в полной мере на это может претендовать любая политическая теория), вне зависимости от реальности заговора она способна выполнять функцию критической рефлексии и демифологизации образа политической реальности, тем самым оставляя надежду на альтернативу и осознанный политический выбор. Конспирология — это иде-

ологическое оружие, направленное против конспиративистского соблазна глобальной элиты.

Реабилитация конспирологии, таким образом, это даже не проблема политического дискурса, а историческая и политическая необходимость, продиктованная стремлением к сохранению свободы.

Рукопись поступила в редакцию 10 марта 2008 г.

А. С. Чесноков

МИГРАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОВРЕМЕННЫХ ПАРАДИГМАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: НЕОРЕАЛИЗМ, НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И НЕОМАРКСИЗМ

Международные миграции населения давно стали феноменом поистине глобальным, оказывающим влияние на различные аспекты развития как принимающих, так и отдающих население стран. Однако среди ученых и практиков нет единства по вопросу о природе, причинах и последствиях миграционных процессов. В настоящей статье содержится описание толкований миграционного феномена, даваемых тремя основными парадигмами современной теории международных отношений — неореалистической, неолиберальной и неомарксистской. Приводятся наиболее типичные, традиционные для каждой из парадигм примеры понимания и объяснения миграционного феномена. Описывается имманентная для каждой из парадигм специфика подходов к анализу миграционных процессов в современном мире.

В современной теории международных отношений мировые миграции населения, их воздействие на мировые, региональные и внутригосударственные трансформации политического, культурного и социально-экономического характера рассматриваются через призму целого ряда парадигм. Однако только три из этих парадигм имеют фундаментальный теоретический характер, отражающий определенный тип политического мировоззрения и мировосприятия и соответственно задающий три основных ракурса видения всех связанных с миграцией проблем современного мирового развития. Речь идет о неореалистической, неолиберальной и неомарксистской парадигмах.

Среди основных характеристик неореалистической парадигмы следует отметить следующие. 1. Приоритет сохранения коренных культурно-религиозных ценностей, угрозой которым выступают иммигранты. Угроза заключается в том, что иммигранты являются носителями «чуждых» религиозных и культурных традиций, вследствие чего возникает опасность растворения или исчезновения культуры принимающего общества. 2. Толерантность и «политкорректность» властей по отношению к иммигрантам ущемляют права коренного населения и дают необоснованные преимущества иммигрантам. 3. Чтобы избежать